

СВОБОДНЫЯ ГОРЫ.

I.

Передъ подножьемъ Альпійскихъ горъ.

Какъ гирлянда бѣлыхъ кучевыхъ облаковъ, выплывающихъ изъ-за отдаленнаго горизонта, показались подъ яснымъ утреннимъ небомъ снѣжныя вершины горъ.

— Die Alpen, die Alpen (Альпы, Альпы)!—послышались около меня въ вагонѣ нѣмецкіе голоса.

Мой товарищъ по тайному обществу пропаганды новыхъ общественныхъ идей въ народѣ, Саблинъ, и нашъ спутникъ Грибоѣдовъ, огромнаго роста добродушный человѣкъ, еще мирно спали, откинувшись на спинки своихъ нѣмецкихъ вагонныхъ сидѣній, не приспособленныхъ къ ночлегу. А я уже давно не спалъ.

Я не могъ спать отъ восторга передъ открывавшимися передо мною новыми странами и новымъ горизонтомъ въ жизни.

Итакъ, я тоже эмигрантъ, какъ Герценъ, какъ Бакунинъ, какъ Огаревъ, какъ Лавровъ! Я тоже изгнанникъ изъ своей родины за гражданскую свободу, за республику, какъ былъ когда-то изгнанникомъ и Гарibaldi, несмотря на то, что мнѣ лишь недавно минуло двадцать лѣтъ.

Вотъ и я перебрался черезъ нѣмецко-русскую границу, и какъ романтично: переодѣтый еврейской дѣвушкой! А спутники мои были тогда переодѣты евреями. И какой типично-еврейскій видъ получили они, чистокровные русскіе, когда на нихъ надѣли лапсердаки и прицѣпили пейсы!

Мнѣ вспоминались мои недавнія скитанія въ народѣ, они закончились лишь три недѣли тому назадъ, но какими далекими-далекими они казались мнѣ теперь! Ничто кругомъ меня не напоминало о нихъ. Тамъ, гдѣ я ходилъ по деревнямъ, стоитъ полная зима. Тамъ, безпріютный, разыскиваемый полиціей три недѣ-

ли тому назадъ, я проводилъ ночи въ сугробахъ снѣга, подъ стогами сѣна въ поляхъ Ярославской губерніи и подъ качающимися отъ зимней вьюги вершинами хвойныхъ деревьевъ. Три недѣли тому назадъ я скакалъ верхомъ, подготавливая попытку освобожденія заточеннаго товарища, на невыѣзженной лошади по улицамъ Москвы въ снѣжномъ вихрѣ, вмѣстѣ съ Кравчинскимъ, приводя въ страхъ прохожихъ, да и въ самомъ Петербургѣ вслѣдъ за этимъ была еще настоящая зима.

Но затѣмъ все пошло въ полномъ противорѣчьи съ нормальнымъ теченіемъ четырехъ временъ года.

Благодаря тому, что товарищи по обществу неожиданно назначили меня редакторомъ заграничнаго журнала для народа, я вдругъ былъ отправленъ въ Женеву и на русской границѣ выѣхалъ изъ зимы въ царство ея предшественницы—поздней осени. Затѣмъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія по Германіи къ западу, а затѣмъ и къ югу, я выѣхалъ изъ поздней осени въ раннюю. И вотъ теперь, въ это теплое солнечное утро, когда передъ моими глазами только что показались отдаленныя вершины швейцарскихъ горъ, я какъ бы снова выѣхалъ въ лѣто, хотя и позднее, но все же настоящее лѣто. Кругомъ были зеленѣющіе луга съ еще сохранившимися на нихъ кое-гдѣ послѣдними осенними цвѣтками, а деревья еще наполовину сохранили свою листву.

Высунувшись въ отворенное окно вагона, я съ упоеніемъ смотрѣлъ впередъ, въ розовомъ свѣтѣ ранняго утра, на эти гигантскія волны послѣдней земной коры, на этихъ скалистыхъ великановъ, однѣ головы которыхъ выглядывали пока на меня изъ-за кривизны земного шара.

Цѣлый рядъ мыслей зароился въ моей головѣ.

Я мечталъ, высунувшись въ открытое окно и наблюдая все болѣе и болѣе вырисовывающіяся передо мною вершины снѣжныхъ горъ. Я такъ увлекся, что даже и не замѣтилъ, какъ проснулись мои товарищи.

Вдругъ Саблинъ дернулъ меня сзади за рукавъ.

Я даже вздрогнулъ отъ неожиданности. Въ одинъ мигъ всё голоса, разговаривавшіе во мнѣ, улетѣли куда-то вдаль, какъ вспугнутыя птицы, какъ мимолетныя тѣни, и реальная жизнь предъявила на меня свои права.

— Любуешься природой?—спросилъ меня, зѣвая, Саблинъ.

— Да,—отвѣтилъ я, чувствуя, что ни за что въ мірѣ я не рассказалъ бы ему о своихъ фантазіяхъ, изъ опасенія, что онъ приметъ ихъ за признаки моей умственной незрѣлости.

Только я одинъ,—думалось мнѣ,—способенъ терять время на

пустячныя мечты, когда впереди предстоить такая важная задача, какъ редактированіе революціоннаго журнала для рабочихъ.

Я искренно конфузился такой непреодолимой склонности своей мысли перебрасываться въ одинъ мигъ на всевозможные предметы. Но иначе я не могъ. Моей головѣ всегда была нужна какая-нибудь работа. Я все могъ выносить тогда, кромѣ бездѣйствія. Если я сговаривался съ кѣмъ-нибудь что-нибудь сдѣлать, даже сущій пустякъ, напримѣръ, пойти на прогулку, и товарищъ говорилъ мнѣ: подожди! то у меня черезъ десять минутъ начиналась настоящая лихорадка, и меня охватывала смертельная тоска. Мнѣ всегда нужны были или усиленная физическая дѣятельность, опасности, приключенія или жадное глотанье всевозможныхъ книгъ и размышленія по ихъ поводу. Если ни одного изъ этихъ выходовъ у меня не было, то послѣ недолгаго ожиданія и тоски у меня сейчасъ же начинала работать фантазія и увлекала въ свой сказочный міръ необычайнаго или во всевозможныя теоретическія соображенія.

II.

Первыя впечатлѣнія Швейцаріи.

Снѣжныя вершины горъ, лазуревыя озера, хвойные и лиственные лѣса на склонахъ, темные подземные тоннели—какъ все это было ново, какъ привлекательно для меня! Забывъ все окружающее, я не отрывался отъ окна своего вагона почти во всю нашу дорогу отъ Базеля доерна. Вотъ мы пріѣхали и въ Бернъ, гдѣ оба мои спутника рѣшили совсѣмъ остановиться на жительство, а я долженъ былъ одинъ отправляться далѣе, но рѣшилъ провести съ ними еще одинъ, послѣдній день.

— Пойдемте, пока мы еще не разстались, побродимъ по городу!—сказалъ я своимъ товарищамъ, едва носильщикъ, провожавшій насъ пѣшкомъ съ вокзала, съ нашими чемоданами на своей тачкѣ, довелъ насъ до гостиницы и мы заняли въ ней двѣ комнаты: одну одиночную—я, другую въ двѣ кровати—мои спутники.

— Не спѣши!—отвѣтилъ мнѣ Грибоѣдовъ.—Прежде всего намъ надо позавтракать, а потомъ идти къ моей двоюродной сестрѣ, здѣшной студенткѣ,—она знаетъ городъ и все намъ покажетъ. Намъ подали кофе съ молокомъ, медомъ, сливочнымъ масломъ и маленькими круглыми хлѣбиками, и мы, насытившись, отправились въ путь. Встрѣчный прохожій указалъ намъ дорогу до

улицы, гдѣ жила родственница Грибоѣдова, и мы беззаботно шли туда, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа.

— А какъ же называется наша гостиница?—спросилъ вдругъ Саблинъ Грибоѣдова.

Тотъ остановился въ недоумѣніи.

— Совершенно не помню ни улицы, ни названія,—сказаль онъ, наконецъ, смущенно.

— Можетъ быть, ты помнишь?—обратился онъ ко мнѣ.

— Мнѣ даже и въ голову не пришло!—откровенно заявилъ я.

— Но какъ же намъ теперь быть? Кто помнитъ дорогу назадъ?

— Не помню!—отвѣчалъ я.

— И я не обратилъ вниманія!—замѣтилъ Саблинъ.

— Вотъ тебѣ и разъ!—развелъ руками Грибоѣдовъ.

— Да, отличились! — философски замѣтилъ Саблинъ. — Придется разыскивать самихъ себя черезъ полицію.

— Но можетъ быть, какъ-нибудь найдемъ и сами?—нерѣшительно замѣтилъ я.

— Пойдемте назадъ!—сказаль Грибоѣдовъ,—посмотримъ. Только я чувствую, что едва ли что-нибудь изъ этого выйдетъ. Я, по крайней мѣрѣ, ничего не помню, такъ какъ все время разговариваль съ Саблинымъ.

Дѣйствительно, они оба были очень словоохотливы и всю дорогу перебрасывались другъ съ другомъ остротами, какъ двѣ трещетки. Я же по обыкновенію больше слушалъ ихъ разговоръ и размышлялъ по его поводу и потому кое-что примѣтилъ и на дорогѣ. Подвигаясь такимъ образомъ шагъ за шагомъ и руководясь всевозможными мелкими признаками, подобно тому, какъ человѣкъ, играющій въ жмурки, ориентуруется по маленькимъ просвѣтамъ около своего носа, мы добрались, наконецъ, заглядывая по пути во всѣ боковые переулки, до темнаго зданія съ надписью „Hôtel de la Gare“.

— Повидимому, здѣсь!—замѣтилъ Грибоѣдовъ.

— Не останавливались ли у васъ недавно три дурака, похожіе на насъ?—спросилъ Саблинъ по-французски у полногрудой французенки-консьержки, выглянувшей на насъ изъ-за своей конторки.

Къ нашей великой радости мы сейчасъ же получили отъ нея утвердительный отвѣтъ и были отведены гарсономъ въ наши собственныя комнаты, номера которыхъ мы тоже забыли.

Убѣдившись по своимъ чемоданамъ, что здѣсь именно мы и живемъ, мы вторично отправились въ нашъ путь уже съ облегченнымъ сердцемъ и съ сознаниемъ, что очень счастливо выпу-

тались изъ чрезвычайно неудобнаго положенія остаться на улицѣ въ совершенно незнакомомъ городѣ, тѣмъ болѣе что и двоюродная сестра Грибоѣдова оказалась уѣхавшей куда-то, а другихъ знакомыхъ у насъ здѣсь не было.

Не найдя никого, мы одни обошли весь городъ. Мы попали, прежде всего, къ широкой, какъ арена цирка, круглой ямѣ посреди площади, съ ободраннымъ деревомъ въ ея центрѣ, гдѣ живетъ семейство бернскихъ медвѣдей, считающихся, какъ шутилъ Саблинъ, полноправными гражданами города, потому что имѣютъ собственный домъ. Потомъ мы начали разспрашивать о памятникѣ Вильгельму Теллю, но никто намъ его не могъ указать, а вмѣсто того направили насъ къ памятнику „Основателя города“. На немъ оказалась латинская надпись „Conditor urbis Baernae“, которую Саблинъ тотчасъ же перевелъ намъ со своимъ всегдашнимъ юморомъ: „Кондитеръ города Берна“!

Разсмѣявшись, мы возвратились къ вечеру домой, раздѣлили на три равныя части всѣ деньги, данныя намъ тайнымъ обществомъ на дорогу, и, въ результатъ, на первое прожитіе досталось каждому изъ насъ по 600 франковъ. Я получилъ свою долю и поздно ночью распростился съ моими спутниками. Мой поѣздъ уходилъ въ Женеву въ 6 часовъ утра, и гарсонъ гостиницы получилъ распоряженіе разбудить меня въ половинѣ шестого.

Такъ началась моя самостоятельная жизнь за границей. Первые шаги ея были сдѣланы мною раннимъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ. Сонный мальчикъ постучалъ въ мою дверь и сказалъ:

— *Il est temps de partir* (время отправляться)—и ушелъ снова спать.

Я быстро одѣлся, взялъ свой ручной сакъ,—у меня не было никакихъ чемодановъ послѣ раздачи всего имущества товарищамъ передъ отправленіемъ въ походъ—и вышелъ на полутемную еще улицу города. Мальчикъ отворилъ мнѣ дверь, показалъ направо, и я пошелъ въ этомъ направленіи. Какъ одиноко чувствовалъ я теперь себя въ пустынной улицѣ далекаго города, въ чужой далекой странѣ, гдѣ я никого не зналъ и даже плохо разбиралъ быстро произносимыя мнѣ французскія фразы отвѣтовъ на мои вопросы. Съ трудомъ я отыскалъ вокзалъ. Кассиръ на вокзалѣ тотчасъ же меня понялъ и далъ требуемый мною билетъ третьяго класса до Женевы. Потомъ, несмотря на цѣлый рядъ поѣздовъ, проходящихъ здѣсь въ разныя стороны, и на невнятные выкрики кондукторовъ, я благополучно водворился въ надлежащій поѣздъ и доѣхалъ до Лозанны, гдѣ впервые увидѣлъ лазурную гладь Женевского озера съ окаймляющими его

съ юга горами. Оказалось, что поѣздъ по какой-то причинѣ долженъ былъ простоять здѣсь цѣлый часъ, и я этимъ временемъ рѣшилъ осмотрѣть этотъ небольшой городокъ. Я вышелъ на его узкія кривыя улицы, прошелъ по нимъ нѣкоторое разстояніе и, выйдя на небольшую площадь, увидѣлъ неожиданно памятникъ Вильгельму Теллю. Прямо передо мною было величественное зданіе, съ широкимъ порталомъ, со сводчатыми окнами и колоннами, на вершинѣ котораго стояла статуя Богини Правосудія, а передъ нимъ на площади возвышалась на каменныхъ плитахъ круглая колонна-пѣдесталь, гдѣ на вершинѣ скалы стоялъ со своимъ лукомъ и стрѣлами герой моего дѣтства, вольный стрѣлокъ Вильгельмъ Телль! Я подошелъ къ нему съ правой стороны, такъ что голова его смотрѣла прямо на меня, а его правая рука какъ бы указывала мнѣ на лукъ, который онъ держалъ въ лѣвой.

Зданіе республиканскаго трибунала и передъ нимъ вольный стрѣлокъ, поразившій угнетателя своей страны!

— Здравствуй, Вильгельмъ Телль! Ты первый встрѣчаешь меня, оставшагося одинокимъ, въ твоей свободной странѣ!—мысленно говорилъ я ему, совершенно растроганный.

„Пока стоятъ горы на своихъ основаніяхъ, не забудутъ стрѣлка Телля!“—вспомнилось мнѣ выраженіе поэмы.

Я не хотѣлъ уже никуда итти дальше этого памятника и, постоявъ передъ нимъ съ благоговѣніемъ съ полчаса, возвратился обратно на вокзалъ и, сѣвъ въ указанный мнѣ вагонъ, поѣхалъ среди восхитительныхъ ландшафтовъ по берегу Женевского озера.

III.

Поразительная парочка.

Я вышелъ въ Женевѣ на платформу съ своимъ небольшимъ саквоюжемъ въ одной рукѣ и съ подушкой и одѣяломъ, затянутыми въ ремняхъ, въ другой, не зная, куда мнѣ далѣе направиться.

— *Où voulez vous partir, monsieur* (куда хотите итти)?—спросилъ меня, прикладывая руку къ козырьку, носильщикъ.

— *A l'hôtel du Nord* (въ Сѣверный отель)!—отвѣтилъ я ему, такъ какъ одинъ изъ моихъ товарищей, Мышкинъ, передъ отъѣздомъ изъ Россіи рекомендовалъ мнѣ эту гостиницу, какъ недорогую и въ которой притомъ же живетъ извѣстный писатель-критикъ Ткачевъ, тоже принужденный эмигрировать изъ Россіи.

— Багажъ есть?—спросилъ меня носильщикъ.

— Нѣтъ. Все мое со мной!

Онъ взялъ у меня сакъ и связку въ ремняхъ и, выйдя изъ вокзала на площадь, повелъ меня потомъ по удивительнѣйшему мосту черезъ Рону при самомъ ея выходѣ изъ Женевского озера. Несмотря на всѣ заботы, на одиночество и неизвѣстность предстоящаго мнѣ, я не могъ не заглядѣться на открывающуюся предо мною съ этого моста дивную картину. Лазурная ширь озера простиралась налѣво до самаго горизонта, а направо среди быстро мчащихся изумрудныхъ струй прозрачной, какъ хрусталь, рѣки виднѣлся островокъ Руссо со своими плакучими ивами. Темная громада горы Салевъ какъ стѣна нависала впереди надъ Женевой, раскинувшейся у ея подножія. Это была красивѣйшая картина, какую только мнѣ приходилось видѣть до тѣхъ поръ въ жизни. И красота ея еще увеличивалась темными золотистыми красками облаковъ, охватившихъ всю западную часть небосклона, гдѣ опускалось къ закату солнце.

Почти сейчасъ же за мостомъ оказался и мой Сѣверный отель. Носильщикъ дернулъ звонокъ, поставилъ въ подвѣздѣ мои вещи и, получивъ свои деньги, удалился раньше, чѣмъ кто-нибудь вышелъ. Наконецъ, показался мальчикъ лѣтъ пятнадцати, во фракѣ.

— Что вамъ угодно, мосьё?—обратился онъ ко мнѣ по-французски.

— Здѣсь живетъ мосьё Ткачевъ?

— Numero quatorze (четырнацатый номеръ), — отвѣтилъ онъ и показалъ дверь вверху надъ лѣстницей.

Потомъ самымъ серьезнымъ тономъ онъ вдругъ заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ: кóшка и катіата.

Я остановился въ полномъ недоумѣніи.

— Вы говорите по-русски?—спрашиваю его на своемъ родномъ языкѣ.

— Нэ панимай!—отвѣчалъ онъ.

— А какъ же вы сейчасъ сказали русскую фразу?—спрашиваю я его уже по-французски.

— Je connais seulement les avertissements russes les plus communes (я знаю только самыя обычныя русскія привѣтствія),—скромно отвѣтилъ онъ мнѣ.

Я догадался, что кто-нибудь изъ здѣшнихъ русскихъ злоупотребилъ любознательностью этого мальчика и научилъ его различнымъ русскимъ фразамъ по своему вкусу. Онъ подвелъ меня къ номеру четырнадцатому и тотчасъ же убѣжалъ внизъ по лѣстницѣ на раздавшійся звонокъ.

Я постучалъ въ дверь.

— Entrez (войдите),—раздалось изнутри.

Я отворилъ дверь.

— Monsieur Tkatcheff loge ici? (Ткачевъ живетъ здѣсь)?—спрашиваю я поднывагаюся мнѣ навстрѣчу высокаго бѣлокураго молодого человѣка.

— Нѣтъ!—отвѣтили онъ мнѣ по-русски.—Но здѣсь живу я, Рождественскій! Садитесь, пожалуйста! Вы изъ Россіи?

По слову *но* въ его отвѣтъ я заключилъ, что между нимъ и Ткачевымъ существуетъ какое-то отношеніе. Я присѣлъ на подставленный мнѣ стулъ и все откровенно разсказалъ ему о себѣ. Да и чего мнѣ было скрываться? Вѣдь здѣсь не Россія и нѣтъ никакихъ засадъ! Онъ съ живымъ интересомъ выслушалъ мой короткій разсказъ и сообщилъ мнѣ въ свою очередь, что онъ—студентъ женевскаго университета, перебравшійся изъ Юрьевскаго, гдѣ имѣлъ дуэль, и тутъ же съ удовольствіемъ показалъ мнѣ свою мягкую шляпу, пробитую пулей, которую хранилъ на память.

— Ткачевъ,—сказалъ онъ, наконецъ, на мой новый вопросъ,—перѣхалъ отсюда на Террасьерку, это очень недалеко отсюда, и я васъ провожу къ нему. А пока вы лучше всего поселитесь въ комнатѣ рядомъ съ моей. Она совершенно свободна. Тамъ и жилъ раньше Ткачевъ.

Онъ позвонилъ, и на его зовъ шель вновь уже знакомый мнѣ мальчикъ.

— Этотъ господинъ—мой знакомый. Отведите ему комнату рядомъ. Онъ будетъ здѣсь, какъ и я, на полномъ пансіонѣ, и за табльдотомъ сажайте насъ рядомъ.

— Купишь!—отвѣтилъ почтительно мальчикъ и, взявъ мой сакъ, тутъ же понесъ его въ сосѣднюю комнату.

— Это вы обучаете его подобному русскому языку?—спросилъ я Рождественскаго.

— Я!—самодовольно отвѣтилъ мнѣ онъ.

Напоивъ меня чаемъ, Рождественскій повелъ меня къ Ткачеву на Террасьерку (такъ называлась главная эмигрантская улица въ Женевѣ La Terrassière), но, доведя меня до дому, онъ, очевидно, не рѣшился туда войти со мной, какъ предполагалъ сначала, пока я сидѣлъ у него. Онъ остановился на минуту въ раздумьѣ, потомъ сказалъ нерѣшительно:

— Идите одни. Я забылъ, что мнѣ нужно еще попасть въ другое мѣсто. Во второмъ этажѣ направо! И, быстро простившись, онъ пошелъ обратно,—очевидно, къ себѣ домой.

„Значитъ, онъ не очень близокъ съ Ткачевымъ“,—сообразилъ я и поднялся по указанному пути.

Была уже полная ночь.

При тускломъ свѣтѣ лампы на узкой, какъ во всѣхъ французскихъ жилыхъ домахъ, лѣстницѣ я увидѣлъ указанную мнѣ дверь и постучалъ въ нее.

— Entrez (войдите)!—раздался уже привычный мнѣ французскій возгласъ изъ глубины, и я отворилъ дверь. Навстрѣчу мнѣ выбѣжали длинная, очень худощавая брюнетка и такой же длинный и очень худощавый брюнетъ съ небольшою каштановаго цвѣта бородкой.

— Вы изъ Россіи?—оба разомъ, въ одинъ голосъ, порывисто спросили меня.

— Изъ Россіи. Здѣсь живетъ Ткачевъ?

— Да! Да!—отвѣчали они мнѣ оба разомъ.

— Раздѣвайтесь!—воскликнула она.

— Садитесь!—вторилъ онъ.

Совсѣмъ я не ожидалъ, что Ткачевъ и его жена такіе стремительные!—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Вотъ вамъ рекомендательное письмо отъ Мышкина,—сказалъ я ему, протягивая сложенную бумажку.

— Потомъ! Потомъ!—воскликнули они, а теперь садитесь, напейтесь прежде чаю.

— Вотъ сюда, сюда! На диванъ!—быстро говорила она.

— Да! Сюда, сюда! Тутъ вамъ будетъ удобнѣе.

Они были такъ заняты мною, что на записку отъ Мышкина не обратили даже вниманія, и она такъ и осталась лежать на столѣ, куда я ее положилъ, видя, что ни тотъ, ни другой даже не замѣчаютъ ея въ моей протянутой рукѣ.

— Вы изъ народа?—спросила она, садясь на диванъ по правую мою сторону.

— Вы изъ народа?—повторилъ онъ, садясь по лѣвую сторону отъ меня.

Я, какъ въ тискахъ, оказался заключеннымъ между ними посрединѣ дивана.

— И мы тоже недавно изъ народа!—воскликнула она.—Какъ весь народъ поразительно воспримчивъ къ социалистической пропагандѣ!

— Какъ весь народъ готовъ къ революціи!—перебилъ онъ ее.—Какой огр...

— Какой огромный,—въ свою очередь перебила она его,—успѣхъ мы имѣли.

— Огромное вліяніе!—говорилъ онъ.—Цѣлыя тысячи.

— Цѣлыя тысячи народа готовы были подняться,—перебила она еще быстрѣе,—по одному нашему...

— По одному нашему слову,—окончилъ онъ ея мысль.

Они говорили такъ быстро, что я успѣвалъ только перебрасывать свою голову отъ одного къ другому. Вставить хоть одно простое восклицаніе было совершенно немислимо среди нихъ.

Совѣтъ я не такимъ представлялъ себѣ Ткачева, — снова мелькнуло у меня въ головѣ.

— А вы знаете, что здѣсь затѣвается?—начала она громко въ мое правое ухо.

— Затѣвается, — окончилъ онъ, крича мнѣ въ лѣвое ухо,— журналъ для рабочихъ подъ названіемъ *Работникъ*.

— Какъ же, какъ же! Все уже готово,—живо говорила она,— и мы будемъ редактировать его!

— Я тоже присланъ редактировать его, — поспѣшилъ вставить я.—И очень радъ, что придется работать вмѣстѣ съ такимъ опытнымъ писателемъ, какъ вашъ мужъ.

Дѣйствительно, я очень обрадовался открывшейся передо мною перспективѣ работать вмѣстѣ съ Ткачевымъ. Когда я ѣхалъ сюда, я думалъ, что вся отвѣтственность редактированія падетъ на меня одного, и боялся, что не выполню достаточно хорошо возложенной на меня нашимъ тайнымъ обществомъ задачи, и теперь вдругъ обнаружилось, что редакція будетъ коллективная.

Всѣ заботы сразу спали съ моей души.

Мнѣ такъ пріятно было раздѣлить выпавшую мнѣ почетную обязанность съ товарищами по изгнанію и въ особенности съ Ткачевымъ, котораго я считалъ въ легальной литературѣ прямымъ преемникомъ знаменитаго Писарева, идола молодежи въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ! Но онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на мой комплиментъ.

— Мы вмѣстѣ уже написали...—началъ онъ.

— Мы уже написали, — окончила она, — для новаго журнала одну прозаическую статью о нашей работѣ въ народѣ.

— И одно стихотвореніе,—перебилъ онъ ее,—которое производило поразительное впечатлѣніе...

— Поразительное впечатлѣніе въ народѣ, — окончила она.— Оно тоже будетъ помѣщено въ первомъ номерѣ *Работника*, и уже...

— Да, да, уже приготовлено къ набору,—перебилъ онъ.—Хотите, мы вамъ сейчасъ же его прочтемъ?

— Да, да, сейчасъ же вамъ прочтемъ,—снова перебила она и, схвативъ со стола бумажку, начала читать.

Овцы и волки.

Посбѣжались волки злые,
 Держать всѣ совѣтъ большой:
 Овцы больно умны стали,
 Что подѣлать имъ съ собой?
 Вотъ такъ-такъ! Вотъ такъ-такъ!
 Видно котъ нашъ не дуракъ!

— Не правда ли,—перебилъ онъ ее,—какой неожиданный переходъ? Это мы вмѣстѣ...

— Это мы вмѣстѣ придумали, и каждый новый куплетъ оканчивается такъ!—докончила она.

— И это-то самое и произвело поразительное впечатлѣніе,—перебила она.—Понимаете, такой неожиданный переходъ къ самой сути дѣла.

И они начали наперебой читать мнѣ остальные двадцать пять куплетовъ этого коллективнаго стихотворенія. Всѣ они были совершенно въ томъ же духѣ, какъ и первый. Содержаніе состояло въ томъ, что одна овца подслушала волковъ, сговаривающихся на этомъ своемъ совѣтѣ ихъ растерзать, и побѣжала рассказать другимъ овцамъ, говоря, что ихъ, овецъ, много, и что у нихъ есть копыта для защиты. А оканчивается стихотвореніе такъ:

Тутъ всѣ овцы заблеяли:
 Вѣдь въ волкахъ вся наша суть!
 Всѣ мы, овцы, будемъ братья
 И волковъ пора намъ пхнуть!
 Вотъ такъ-такъ! Вотъ такъ-такъ!
 Видно котъ нашъ не дуракъ!

У меня волосы стали шевелиться на головѣ отъ одной мысли напечатать въ журналѣ подобное стихотвореніе. Обязанности редактора стали представляться мнѣ далеко не усѣянными лаврами.

„Какъ теперь мнѣ быть?—думалъ я.—Вѣдь я долженъ буду оказать противодѣйствіе напечатанію стихотворенія, написаннаго извѣстнымъ литераторомъ Ткачевымъ! Это поразительно! Превосходный критикъ и публицистъ, съ прекраснымъ прозаическимъ слогомъ, онъ—совсѣмъ жалкій поэтъ! И еще придаетъ своимъ стихамъ такое большое значеніе!“

— Ну, какъ вамъ нравится?—живо спрашиваетъ онъ меня въ лѣвое ухо.—Въ народѣ...

— Въ народѣ,—оканчиваетъ она въ лѣвое,—оно произвело поразительное, поражающее впечатлѣніе!

Мнѣ хотѣлось отвѣтить искренно, что и на меня стихи эти производятъ поражающее впечатлѣніе, но, пользуясь тѣмъ, что они продолжали перебивать другъ друга, дополняя на каждой фразѣ одинъ другого, я благополучно избавился отъ необходимости дать отвѣтъ. Перескочивъ на что-то другое, они уже сами забыли черезъ минуту, что я имъ ничего не отвѣтилъ, или вообразили, что я вполне согласился съ ихъ собственными похвалами себѣ.

Почувствовавъ сильное разочарованіе въ знаменитомъ писателѣ и его супругѣ и опредѣливъ ихъ, къ своему собственному недоумѣнію, какъ отчаянныхъ болтуновъ, я захотѣлъ поскорѣе уйти отъ этой супружеской четы. Мнѣ захотѣлось въ этотъ же вечеръ увидѣться съ завѣдующимъ нашей женевской типографіей, эмигрантомъ Гольденбергомъ. Вынувъ изъ кармана свой кошелекъ, я раскрылъ его, чтобы достать на бумажкѣ его адресъ, и кучка золотыхъ двадцатифранковыхъ монетъ засверкала въ немъ.

— Сколько у васъ денегъ!—воскликнулъ онъ.

— Около шестисотъ франковъ!—отвѣчалъ я.

— Вамъ не нужно будетъ сразу такой суммы,—началъ онъ.

— Да, вамъ не нужно будетъ такой суммы!—перебила она.—

А у насъ какъ разъ...

— А у насъ какъ разъ на двѣ недѣли недостатокъ. Дайте намъ въ долгъ...

— Дайте намъ въ долгъ,—перебила она,—только на двѣ недѣли, пятьсотъ франковъ. Мы непременно, непременно возвратимъ вамъ ровно черезъ двѣ недѣли.

— Да, непременно ровно черезъ двѣ недѣли!—повторилъ онъ.— Какъ разъ къ этому времени намъ вышлютъ наши деньги!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я, вынимая желаемую ими сумму.

Онъ съ живостью взялъ ихъ у меня, а она у него и, вскочивъ, заперла въ шкафикѣ напротивъ насъ.

— Спасибо вамъ! Спасибо вамъ! — говорилъ онъ, пожимая мнѣ руки.

— Спасибо вамъ! Спасибо вамъ!—вторила она, возвратившись на свое мѣсто и пожимая тоже мнѣ руки съ другой стороны.

— Такъ непременно, непременно возвратимъ вамъ ровно черезъ двѣ недѣли.

— Ровно, ровно черезъ двѣ недѣли!—повторила она.—Все, все сразу отдадимъ тогда.

Въ этотъ самый моментъ, безъ обычнаго заграничнаго стука

въ дверь, къ намъ въ комнату вошелъ невысокаго роста крѣпкій шатень, лѣтъ тридцати пяти, съ интеллигентными чертами лица и умными наблюдательными глазами.

— А вотъ и Ткачевъ!—воскликнула моя собесѣдница справа.

— А вотъ и Ткачевъ!—повторилъ мой собесѣдникъ слѣва, указывая рукою на вошедшаго.

Я всталъ въ полномъ изумленіи и пожалъ протянутую мнѣ Ткачевымъ руку.

— А я все думалъ, что Ткачевъ это—вы,—обратился я къ моему сосѣду.

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ.—Я Николай Шебунъ, а это моя жена, Зинаида. Развѣ мы вамъ не сказали съ самаго начала?

— Развѣ съ самаго же начала мы не сказали вамъ?—перебила его она.

— Но это все равно,—перебилъ онъ ее,—вы можете быть спокойны...

— Пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ!—замѣтилъ я, чувствуя неловкость.

Ткачевъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ прочесть нѣсколько строкъ очень лестной для меня рекомендаціи Мышкина, безцеремонно перебилъ коллективный разговоръ обоихъ супруговъ, сказавъ имъ:

— Я съ вами еще успѣю потолковать завтра, а теперь надо переговорить съ нимъ. Пойдемте въ мою квартиру,—обратился онъ ко мнѣ и сразу направился къ выходу, очевидно, чувствуя полную безнадежность дожидаться конца взаимно поддерживающейся рѣчи Шебуновъ.

Я пошелъ за нимъ, сильно сконфуженный за себя. Ну, какъ я могъ принять ихъ стихотворное маранье за произведеніе самого Ткачева? Какъ я могъ сразу же не понять, что такая болтливая, искусственно подогрѣвающая себя чета не можетъ представлять изъ себя серьезнаго писателя съ его женой? Но вѣдь квартира Шебуновъ была мнѣ указана, какъ его квартира, и они не разубѣждали меня, когда я протянулъ имъ рекомендацію Мышкина, адресованную Ткачеву, а только оставили ее нетронутой на столѣ.

— Вы, очевидно, ошиблись квартирой!—сказалъ мнѣ Ткачевъ, какъ только затворилась за нами дверь.

— Нѣтъ, мнѣ указалъ ее Рождественскій.

— А, Рождественскій!—сказалъ онъ равнодушно.—Теперь понимаю! Мы съ нимъ встрѣчались только за табльдотомъ въ отелю Норъ, и онъ ни разу не былъ здѣсь у меня. Но все же ему слѣдовало бы лично провести васъ ко мнѣ.

— Мнѣ показалось, что онъ стѣсняется.

— Совершенно напрасно. Изъ-за его стѣсненія, какъ я вижу, вамъ пришлось выдержать цѣлую баню, да еще, повидимому, претерпѣть и заемъ денегъ, если я не ошибаюсь, судя по ихъ послѣднимъ словамъ.

— Пустяки! Деньги они обѣщали отдать черезъ двѣ недѣли, а просидѣлъ я между ними дѣйствительно цѣлыхъ два часа, и теперь у меня болитъ шея отъ постояннаго поворачиванія головы отъ одного къ другому. Еще ни разу въ жизни не видалъ я такихъ удивительныхъ супруговъ. Они какъ будто срослись вмѣстѣ и даже мыслятъ коллективно.

— Да, они все дѣлаютъ вмѣстѣ, даже стихи. Вѣрно, они читали уже вамъ своихъ знаменитыхъ „Волковъ и овецъ“?

— Какъ же!—отвѣтилъ я, весь покраснѣвъ отъ ожиданія, что вотъ сейчасъ онъ меня спроситъ: и неужели вы повѣрили, что это мои?

Но онъ, повидимому, даже и не подумалъ сдѣлать такое сопоставленіе. Мы съ нимъ поднялись этажомъ выше въ его квартиру, гдѣ вышла къ намъ навстрѣчу очень красивая и довольно высокая, полная блондинка съ длинной висящей косой. Въ ней было что-то необыкновенно привлекательное и дѣвичье. Взглянувъ на нее, вы сейчасъ же подумали бы: какая славная дѣвушка; вамъ и въ голову не пришло бы, что она замужняя женщина. Это именно и была жена Ткачева, урожденная Дементьева.

У нихъ все было противоположно тому, что я видѣлъ у Шебуновъ. Привѣтливо горѣли угли въ каминѣ небольшой комнаты, слабо освѣщенной лишь лампою съ зеленымъ абажуромъ, стоящей на столѣ въ противоположномъ углу. Все здѣсь было такъ уютно, по-домашнему. Мы втроемъ сѣли передъ каминномъ.

— Я очень обезпокоенъ,—сказалъ Ткачевъ, обращаясь къ своей женѣ,—что Шебуны успѣли уже занять у него денегъ. Они, конечно, никогда ему не отдадутъ. А самое неловкое для меня это то, что онъ далъ имъ, думая, что Николай Шебунъ это—я.

— Ахъ, какъ это неловко!—съ явнымъ огорченіемъ сказала его жена.—Ты бы сбѣгалъ сейчасъ же и взялъ у нихъ обратно.

— Но они не отдадутъ, если я пойду одинъ! Можетъ быть, мы пойдемъ вмѣстѣ?—обратился онъ ко мнѣ,—и вы имъ скажете, что давали мнѣ, а ихъ совсѣмъ не знаете. Тогда я настою на томъ, чтобы отдали.

— Но развѣ они такіе дурные люди?

— Не дурные,—отвѣчалъ онъ,—а хуже этого—безалаберные. Я увѣренъ, что и теперь они взяли у васъ съ увѣренностью, что

когда-нибудь отдадутъ, но на дѣлѣ никогда этого не исполнять, а когда они получаютъ изъ Россіи деньги, то прежде всего употребягь ихъ на себя, а вамъ будутъ обѣщать возвратъ до конца своей жизни. Такъ пойдѣте къ нимъ взять обратно? При мнѣ они не рѣшатся вамъ отказать!

— Да нѣтъ, нѣтъ, мнѣ теперь эти деньги даже и не нужны,—запротестовалъ я.—Потомъ, когда понадобятся!..

— Тогда ужь поздно будетъ, и они вамъ скажутъ: рады бы отдать, да у самихъ ничего нѣтъ. А сейчасъ они не могутъ сказать этого! Пойдѣте лучше.

Мнѣ стало очень неловко. Деньги были даны мнѣ нашимъ обществомъ пропагандистовъ въ Петербургѣ на мое собственное прожитіе, и я думалъ поступить на нихъ въ женевскій университетъ. Я зналъ, кромѣ того, что они не были бы никогда ассигнованы на простую субсидію Шебунамъ, о которыхъ мои товарищи не имѣли даже и представленія. Значитъ, теперь я просто растратилъ ихъ.

Однако мысль пойти и взять обратно разъ данное мною была совершенно невыносима. Какъ же я взгляну имъ въ глаза? Нѣтъ! Лучше ужь я сокращу до крайняго минимума свои собственные траты. Притомъ же зачѣмъ думать о людяхъ дурно?

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ я ему.—Я рѣшительно отказываюсь отъ вашего предложенія. То, что я далъ, я не беру обратно. Виновать только я одинъ. Вы тутъ не при чемъ.

Ткачевъ внимательно взглянулъ на меня.

— Хорошо,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Не будемъ больше говорить объ этомъ! Расскажите лучше о себѣ и о Россіи. Мышкинъ пишетъ, что вы много ходили въ народъ. Какіе ваши выводы?

— Главный выводъ тотъ, что никакая широкая идейная дѣятельность на благо народа немыслима въ Россіи, пока въ ней нѣтъ свободы слова и печати, и что гражданской свободы у насъ не будетъ при теперешнихъ порядкахъ.

Его глаза радостно заблестали.

— Я тоже давно такъ думаю и даже мечталъ издавать журналъ по этой программѣ. Значитъ, вы думаете, что теперь ходить въ народъ не нужно?

— Наоборотъ! Нужно! Это прежде всего очень интересно. Никто не можетъ сказать, что знаетъ народъ, пока самъ не побывалъ въ немъ. А затѣмъ, ничто такъ не приводитъ къ убѣжденію въ абсолютной необходимости гражданской свободы, какъ по-

пытки пропаганды новыхъ идей въ народѣ и среди рабочихъ при противодѣйствіи правительства.

— Понимаю, — сказалъ онъ, — хожденіе въ народъ представляется вамъ первой стадіей подготовки заговорщика-республиканца?

— Да, именно. Вотъ почему я всей душой и сочувствую те-перешнему лозунгу: въ народъ.

— Вы, — сказалъ онъ, — единственный здѣсь въ Женевѣ, смотрящій на дѣло съ такой точки зрѣнія. Впрочемъ, нѣтъ, я второй. Я тоже стою за хожденіе въ народъ, видя въ этомъ лучшую школу для революціоннаго движенія. Но другіе всё дѣлаютъ изъ средства цѣль и даже говорятъ: забудьте все, чему васъ учили, опрощайтесь умственно и морально. А по-моему, наоборотъ, интеллигенція должна поднимать полуграмотную массу до себя, а не опускаться до нея.

— Я тоже съ самаго начала движенія говорилъ, что пропаганда республиканскихъ идей нужна не среди однихъ крестьянъ, а и во всѣхъ слояхъ общества.

— Да, конечно, — согласился онъ, — и прежде всего въ интеллигенціи! И пусть всякій, кто любитъ народъ, сейчасъ же идетъ въ него. Пусть всё убѣдится своими глазами, а не съ чужого голоса, какъ онъ нуждается въ сочувствіи и какъ беспомощенъ онъ, предоставленный самому себѣ. Такой человекъ вернется изъ народа черезъ нѣсколько времени убѣжденнымъ заговорщикомъ, а ихъ-то теперь и надо для Россіи.

Такъ мы говорили у камина до поздняго вечера. Я возвратился въ свой отель въ полномъ восторгѣ отъ этого талантливаго человѣка.

IV.

Первыя впечатлѣнія эмигрантской жизни.

Всю ночь я промечталъ на своей постели въ отелѣ дю Норъ и въ слѣдующее утро, едва напившись кофе съ Рождественскимъ въ табльотѣ, прежде всего отправился въ русскую типографію, адресъ которой мнѣ далъ вчера Ткачевъ, говоря, что тамъ я могу найти нужнаго мнѣ Гольденберга скорѣе, чѣмъ на его собственной квартирѣ. Добравшись до желаемого дома по указаніямъ встрѣчныхъ, я вошелъ, во второмъ его этажѣ, въ небольшую квартирку съ голыми стѣнами безъ обоевъ и всякой мебели. У окна и около стѣнъ стояли высокія некрашенныя конторки съ

верхами, раздѣленными на нѣсколько рядовъ клѣточекъ, и я понималъ, что это были наборныя кассы, въ клѣточкахъ которыхъ находился шрифтъ. Въ углу у дверей лежала цѣлая груда отпечатанныхъ уже большихъ листовъ бумаги, но почти всѣ они были помяты и лежали въ безпорядкѣ.

Какъ полагается въ подобныхъ случаяхъ, я кашлянулъ нѣсколько разъ, но никто не вышелъ ко мнѣ изъ сосѣдней комнаты, хотя дверь въ нее и была отперта настежь и тамъ я слышалъ легкій шорохъ человѣка. Я нерѣшительно направился туда и, подойдя къ дверямъ, увидѣлъ за ними вторую, совершенно такую же комнату, съ такими же кассами и съ еще большей кучей мятой бумаги въ углу.

Но тутъ были и прибавки: у стѣны стояли три табурета, небольшой деревянный столикъ, а на немъ чайникъ надъ спиртовой лампочкой, три стакана и свертокъ желтой бумаги съ какими-то съѣстными припасами. Около одной изъ кассъ, въ профиль ко мнѣ, стоялъ человѣкъ средняго роста и средняго возраста, въ сюртукѣ, съ круглой головой, въ круглыхъ очкахъ и съ шапкой черныхъ курчавыхъ волосъ на головѣ.

Онъ, очевидно, весь былъ поглощенъ корректурой страницы набора, лежащаго передъ нимъ на дощечкѣ на одной изъ кассъ. Онъ вытаскивалъ изъ нихъ щипчиками свинцовые столбики-буквы и, выбрасывая ихъ въ различныя отдѣленія кассы, замѣнялъ новыми изъ другихъ клѣточекъ. Видъ у него былъ сосредоточенный на своемъ дѣлѣ и разсѣянный по отношенію ко всему окружающему. Онъ совершенно не замѣчалъ меня.

„Очевидно, очень идейный человѣкъ!—пришло мнѣ въ голову.—Живетъ своимъ внутреннимъ міромъ“.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я, наконецъ,—не вы ли Гольденбергъ?

Онъ быстро повернулъ ко мнѣ голову, какъ будто разбуженный отъ сна, и, посмотрѣвъ на меня черезъ очки своими, видимо, близорукими глазами, отвѣтилъ:

— Я!

— А я изъ Петербурга,—сказалъ я ему, протягивая рекомендательную записку.

— Знаю, знаю!—воскликнулъ онъ радостно.—Мнѣ уже писали о васъ,—и онъ крѣпко пожалъ мою руку, а потомъ заключилъ въ объятія и расцѣловалъ.

Я былъ очень растроганъ и обрадованъ такимъ пріемомъ. Я ѣхалъ, какъ мнѣ казалось, куда-то въ невѣдомую даль, къ чужимъ, суровымъ людямъ, и вдругъ сразу же встрѣтилъ и со

стороны Ткачева и здѣсь такой пріемъ, какъ будто мы были давнишними друзьями.

Гольденбергъ тѣмъ временемъ прочелъ мою рекомендательную записку, держа ее у самыхъ глазъ, потомъ обернулся снова ко мнѣ и, осмотрѣвъ меня внимательно, сказалъ:

— А я васъ представлялъ совсѣмъ въ другомъ видѣ!

Я улыбнулся, сразу догадавшись.

— Вѣрно, считали меня много старше?

— Да!—отвѣтилъ онъ откровенно.—Но это ничего не значитъ! Быть моложе лучше! Больше свѣжихъ силъ, еще не помятыхъ жизнью!

Это было мнѣ страшно пріятно слышать. Я тоже привыкъ считать свою молодость самымъ слабымъ своимъ мѣстомъ.

— И неужели вы уже столько ходили въ народѣ?—продолжалъ онъ.—Когда у насъ затѣвался рабочій журналъ, то главное затрудненіе было въ томъ, что никто изъ насъ не жилъ въ народѣ и не умѣлъ выражаться его языкомъ. Изъ Петербурга обѣщали прислать намъ васъ. Говорили, что вы исходили половину Россіи и притомъ во всевозможныхъ видахъ.

— Какая же половина Россіи? Все это легенды. Былъ только въ пяти губерніяхъ, да и то не подолгу. Но по-народному выражаться все же умѣю.

— Вотъ этого-то намъ и недоставало до сихъ поръ!—убѣжденнымъ тономъ замѣтилъ онъ.

Затѣмъ, усадивъ меня на одинъ изъ табуретовъ, онъ началъ спрашивать меня о Россіи, о новыхъ кружкахъ и настроеніяхъ, о нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ и о моихъ приключеніяхъ въ народѣ. Я вкратцѣ сообщилъ ему, какъ и вчера Ткачеву, все, что со мною было и что зналъ объ остальныхъ, ходившихъ въ народъ и теперь почти поголовно арестованныхъ.

— Да,—сказалъ онъ,—честь и слава ихъ почину. Теперь движеніе въ народъ и внутри самого народа уже не остановится. На смѣну погибшимъ пойдутъ другіе со свѣжими силами. Много отсюда молодежи уже уѣхало передъ самымъ вашимъ пріѣздомъ! Если бы вы задержались немного въ Москвѣ, вы встрѣтили бы тамъ десятка два замѣчательно хорошихъ бернскихъ студентокъ, отправившихся въ Россію для того, чтобы замѣнить арестованныхъ въ этомъ году.

Это для меня было совершенно ново.

„Значитъ,—подумалъ я,—готовится новый штурмъ въ этомъ самомъ направленіи!“

— Онъ тоже хотять идти въ деревню какъ крестьянки?—спро-

силъ я, думая, какъ будетъ трудно для нашихъ чистенькихъ студентокъ приспособиться къ условіямъ крестьянской жизни, и инстинктивно почесывая у себя въ головѣ, гдѣ еще кусали меня остатки бѣлаго населенія, прибрѣтеннаго мною въ деревняхъ.

— Да! Именно!

— Въ деревняхъ имъ будетъ очень трудно, и едва ли онѣ тамъ долго останутся. Жить тамъ можно только намъ, мужчинамъ, а имъ я посовѣтовалъ бы лучше заняться съ рабочими, поступать на фабрики и заводы, живя на собственныхъ квартирахъ. Но и это я считаю лишь подготовкой для предстоящей намъ теперь самимъ огромной борьбы съ тѣмъ строемъ, который, пока существуетъ, будетъ ставить всѣ препятствія къ движенію интеллигенціи въ народъ или ея сліянію съ народомъ.

— Нашъ простой народъ по природѣ анархиченъ,—отвѣтилъ онъ.—Ему надо все или ничего, онъ не понимаетъ никакихъ компромиссовъ. Онъ не понимаетъ частнаго землевладѣнія. Для народа земля есть Божій даръ и потому принадлежитъ лишь тому, кто ее обрабатываетъ своими собственными руками, и только до тѣхъ поръ, пока онъ обрабатываетъ ее. Кто пересталъ, долженъ отдать ее другому, желающему на ней работать. Поэтому, если мы желаемъ, чтобъ крестьянинъ насъ слушалъ, нужно говорить ему больше о землѣ. А рабочимъ надо прежде всего говорить о томъ, что фабрики и заводы должны принадлежать тѣмъ, кто на нихъ работаетъ собственными руками.

Итакъ, пришло мнѣ въ голову, слушая его, люди вездѣ одинаковы: и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и за границей! Все то, что говорили мнѣ Кравчинскій и Алексѣева, говорится и здѣсь.

— Въ Женевѣ теперь,—продолжалъ онъ,—живутъ изъ русскихъ эмигрантовъ главнымъ образомъ федералисты, придерживающіеся анархическихъ воззрѣній. Лавристы переѣхали съ Лавровымъ въ Лондонъ, а бакунисты живутъ главнымъ образомъ въ Цюрихѣ, хотя самъ Бакунинъ поселился въ Локарно, на границѣ Италіи, въ имѣніи, предоставленномъ ему однимъ молодымъ итальянскимъ графомъ Кафьеро, горячимъ его сторонникомъ. Оттуда они, кажется, затѣваютъ поднять въ Италіи возстаніе.

— Да вѣдь Бакунинъ тоже анархистъ-федералистъ?

— Да, но наши женеверскіе съ нимъ въ личной ссорѣ. Говорятъ, что онъ велъ себя съ ними не по-товарищески, скрывая отъ нихъ свое знакомство съ Кафьеро.

— Но какъ же можно изъ-за личныхъ отношеній раскалываться на двѣ партіи?—съ изумленіемъ воскликнулъ я.—Вѣдь отъ этого вредъ всему дѣлу.

Онъ взглянулъ на меня исподлобья своими выпуклыми, близорукими глазами и сказалъ:

— Правдивое, искреннее дѣло можетъ создаваться прочно только правдивыми, искренними людьми. Скрывать отъ товарищей что-либо значитъ оскорблять ихъ.

— Съ первымъ вашимъ положеніемъ я согласенъ,—отвѣтилъ я,—но со вторымъ нѣтъ. Вѣдь всякій секретъ есть тягость на душѣ хранящаго его. Передать его другому не значитъ ли перенести тяжесть на другую душу, даже не облегчивъ своей? Поэтому, если мнѣ довѣренъ чей-нибудь секретъ, я долженъ самъ и хранить его! Если же я не сохранилъ его, а потихоньку передамъ другому, и тотъ въ свою очередь получилъ право потихоньку передать его третьему. Третій передастъ четвертому, и въ концѣ-концовъ секретъ дойдетъ и до самого того, отъ кого его предполагалось хранить. И кого же тогда обвинить за провалъ дѣла?

— Конечно, послѣдняго!—сказалъ Гольденбергъ, подумавъ.

— А я въ этомъ случаѣ всегда виню перваго. Это онъ разболталъ. Остальные менѣ виноваты, потому что они разболтали уже разболтанное.

Я вынулъ ему свою записную книжку и показалъ тамъ зашифрованные адреса.

— Вотъ тутъ адреса, которые я долженъ хранить. Никто не знаетъ ихъ шифра, кромѣ меня. Развѣ это признакъ моего недовѣрія къ друзьямъ?

— Вотъ, вотъ!—воскликнулъ радостно Гольденбергъ.—Именно такъ и поступалъ Бакунинъ и въ результатъ растерялъ всѣхъ своихъ друзей! Это же будетъ и съ вами! Я вамъ заранѣе предсказываю: вы здѣсь сразу приобрѣтете массу друзей, а потомъ черезъ полгода, при такихъ вашихъ правилахъ, всѣхъ растеряете!

— Значитъ, здѣсь у всѣхъ разбиты души?—спросилъ я.

— А чего же вы хотите другого?—сказалъ онъ.—Здѣсь собрались люди, бѣжавшіе изъ Россіи, а бѣжали они, конечно, не потому, что осуществились ихъ лучшія надежды, не потому, что они достигали всего, къ чему стремились. Бѣгутъ лишь отчаявшіеся въ возможности своей личной побѣды, и чѣмъ больше они вѣрили въ нее, тѣмъ сильнѣе были разбиты ихъ сердца, передъ тѣмъ какъ они съ отчаяніемъ рѣшились покинуть родину. Вы въ другомъ положеніи. Васъ сюда прислали товарищи и, насколько я могу судить по первому впечатлѣнію, вы не долго здѣсь останетесь. Но, насколько возможно, вы должны встрѣчать здѣсь всѣхъ съ открытымъ забраломъ, не тая отъ друзей какихъ-нибудь своихъ замысловъ.

Гольденбергъ мнѣ очень понравился своею искренностью. Онъ внимательно и не перебивая выслушивалъ всѣ мои доводы и отвѣчалъ на нихъ обдуманно, а не какъ попало, подобно профессиональнымъ спорщикамъ.

„Мнѣ надо, — думалъ я, — стараться смягчать всякія противорѣчія и мелкія разногласія между заграничными революционными дѣятелями, никогда не путаться въ ихъ полемики, отмѣчать имъ не пункты ихъ разногласія со мною и между собою, а наоборотъ, пункты согласія; однимъ словомъ, скрѣплять связь всѣхъ для общаго дѣла, а не расшатывать ее“...

Я уже видѣлъ изъ словъ Гольденберга и впечатлѣній у Шебуна и Ткачева, что это здѣсь было особенно нужно.

„Буду же хорошъ со всѣми, — продолжалъ я думать, пока Гольденбергъ, посмотрѣвъ на свои часы, попросилъ у меня позволенія окончить страницу корректуры и вновь началъ вынимать буквы изъ набора своими щипчиками. — Буду помогать всѣмъ во всемъ хорошемъ, что они задумаютъ, не считаясь съ личными отношеніями“. Гольденбергъ, окончившій въ это время корректированіе, вновь посмотрѣлъ на свои часы.

— Уже больше двѣнадцати! — замѣтилъ онъ. — Мы опоздали къ обычному обѣду, но намъ дадутъ особо. Сейчасъ пойдемъ въ Кафе-Грессо, тамъ въ это время мы найдемъ почти всю нашу компанію. Ресторанъ этотъ служить мѣстомъ нашихъ ежедневныхъ свиданій. Тамъ вы обратите вниманіе прежде всего на Жуковского, старѣйшаго изъ здѣшнихъ эмигрантовъ, потомъ на Ралли и Эльснитца. Они люди съ литературными дарованіями. Они будутъ главными писателями *Работника* и составятъ вмѣстѣ съ вами редакціонный комитетъ. Вѣдь вы будете рѣшать всѣ вопросы коллективно, по-товарищески?

— Конечно.

— Я это такъ и зналъ и потому еще раньше вашего пріѣзда говорилъ съ ними объ этомъ, иначе они не согласились бы.

— Очень хорошо! — обрадовался я, окончательно почувствовавъ, что дѣло для меня будетъ не такъ трудно, какъ я себѣ представлялъ, уѣзжая за границу, на основаніи словъ Кравчинскаго, не сказавшаго мнѣ, что дѣло уже наполовину налажено переговорами Гольденберга съ женевскими эмигрантами.

— А вы сами, — спросилъ я, — примете участіе въ редакціи?

— Я не писатель, — я буду ея секретаремъ и типографшикомъ.

Мы пошли по грязнымъ отъ ненастнаго дня женевскимъ улицамъ на знакомую уже мнѣ „Террасьерку“ и въ самомъ ея на-

чалъ вошли въ небольшой ресторанъ, надъ дверями котораго золотыми буквами было написано „Café Gressdt. Тамъ общій обѣдъ уже кончился и происходила по какому-то случаю маленькая послѣобѣденная выпивка въ задней комнатѣ, въ которую вела отворенная дверь изъ главной, гдѣ мы теперь были. Оживленные русскіе голоса кричали тамъ:

— Жуковскій! Жуковскій! Запѣвайте карманьолу.

Подойдя къ двери, мы съ Гольденбергомъ увидѣли на срединѣ комнаты длинный столъ, на которомъ стоялъ боченокъ краснаго вина, а кругомъ него, съ полунаполненными стаканами, въ разныхъ позахъ сидѣло человѣкъ пятнадцать эмигрантовъ, исключительно мужчины различныхъ возрастовъ.

Никто изъ нихъ не обратилъ на насъ вниманія, очевидно зная лично Гольденберга и считая меня за какого-либо случайно зашедшаго сюда пообѣдать женевского студента.

Изъ-за середины стола всталъ, выпрямившись во весь ростъ и закинувъ вверхъ голову, сухой, жилистый смуглый человѣкъ съ черными сверкающими глазами и впавшими щеками. Сильно жестикулируя руками, онъ запѣлъ историческую крестьянскую пѣсню французской великой революціи:

Dansons la carmagnole—vive le son, vive le son—

Dansons la carmagnole—vive le son du canon!

Que faut-il aux républicains?

Que faut-il aux républicains?

Всѣ присутствовавшіе подхватили хоромъ:

La liberté du genre humain!

La liberté du genre humain!

Смуглый человѣкъ вновь запѣлъ одинъ свой прежній вопросъ:

Que faut-il aux républicains?

Que faut-il aux républicains?

А остальные, какъ прежде, хоромъ отвѣчали:

L'égalité du genre humain!

L'égalité du genre humain!

Смуглый человѣкъ—это и былъ Жуковскій—энергичнымъ голосомъ запѣлъ вновь свой вопросъ:

Que faut-il aux républicains?

Que faut-il aux républicains?

И вся компанія загремѣла ему въ отвѣтъ:

Fraternité du genre humain!

Fraternité du genre humain!

Все это для меня, выросшаго среди русскихъ порядковъ, было чрезвычайно ново и интересно. „Вотъ она,—думалъ я,—истинная свобода слова! Вотъ она, страна Вильгельма Телля! Здѣсь нѣтъ никакой узды на человѣческую мысль, здѣсь не боятся человѣческаго голоса! Говори и пой все, что тебѣ нравится!“ Боже мой, какъ хорошо стало у меня на душѣ! Вся она ликовала.

„Привѣтъ тебѣ, Вильгельмъ Телль, вольный стрѣлокъ!—говорилъ я внутренно.—И пусть твои духовныя дѣти придутъ скорѣе и въ другія страны и выведутъ ихъ, какъ ты свою Швейцарію, къ свѣту и свободѣ!“

Эта небольшая особая комнатка типическаго французскаго кафе была для меня живымъ образчикомъ минувшихъ якобинскихъ собраній почти сто лѣтъ тому назадъ, а Жуковскій, съ такимъ жаромъ пѣвшій тогдашнюю народную пѣсню, напоминалъ мнѣ якобинскаго предводителя французскихъ санкюлотовъ, засѣдающихъ въ своемъ кабарэ. Это пронеслось у меня въ воображеніи въ то время, когда еще не окончилось пѣніе и я стоялъ, незамѣченный никѣмъ изъ поющихъ, въ дверяхъ ихъ комнаты.

Но вотъ послѣдніе звуки замерли, и взгляды Жуковского, пробѣжавъ по всей группѣ собесѣдниковъ, сразу остановился на мнѣ, еще незнакомомъ ему человѣкѣ. И, какъ это всегда бываетъ, всѣ остальные глаза невольно направились въ ту же самую сторону, и всѣ головы повернулись ко мнѣ.

— Господа!—сказалъ имъ мой спутникъ, Гольденбергъ,—вотъ новый нашъ товарищъ, только что пріѣхавшій изъ Россіи, прямо изъ народа, исходивъ подъ видомъ крестьянина нѣсколько губерній.

Я поздоровался со всѣми за руки, обойдя кругомъ столъ. Всѣ назвали мнѣ свои фамиліи, а я сейчасъ же растерялъ ихъ изъ своей головы, кромѣ фамиліи высокаго, худого и чрезвычайно нервнаго блондина, Ралли, и невысокаго человѣка съ серьезными чертами лица, назвавшагося Эльснитцемъ. Я ихъ невольно отмѣтилъ среди остальныхъ, такъ какъ уже зналъ ранѣе, что это мои будущіе соредакторы.

Всѣ хоромъ принялись разспрашивать меня о народѣ и о моихъ впечатлѣніяхъ въ немъ, а я просто удивился самому себѣ! Такъ легко мнѣ было теперь все рассказывать, послѣ того какъ уже нѣсколько разъ сдѣлалъ это передъ всѣми другими новыми знакомыми! Отъ практики выработалась какая-то опредѣленная

последовательность образовъ, какъ будто какой-то внутренней суфлеръ подсказывалъ мнѣ за нѣсколько секундъ ранѣе каждую фразу, которую мнѣ было нужно произнести.

У слушателей получалось впечатлѣніе, какъ будто я говорю это первый разъ и обладаю очень гладкимъ и находчивымъ языкомъ. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, это было не вѣрно. Я никогда не былъ ораторомъ по призванію. На рассказъ о моихъ приключеніяхъ меня можно было вызвать только прямымъ вопросомъ, и если я видѣлъ, что собесѣдника занимаетъ то, что я говорю, я увлекался самъ и продолжалъ охотно рассказъ. Но стоило только мнѣ замѣтить, что собесѣдникъ въ глубинѣ души равнодушенъ, я сейчасъ же умолкалъ, окончивъ начатое какъ можно поскорѣе и покороче.

Но здѣсь всѣ слушали меня съ величайшимъ интересомъ. Къ моему изумленію, я, думавшій быть послѣднимъ среди этихъ ветерановъ революціи, оказался теперь центромъ ихъ общаго вниманія. А что мнѣ представлялось всего удивительнѣе, такъ это то, что никто здѣсь не ставилъ мнѣ въ недостатокъ мою полную безбородость! Здѣсь этого какъ будто совсѣмъ не замѣчали. Всѣ тащили меня къ себѣ на квартиры, и весь день я бѣгалъ отъ одного къ другому.

Ощущеніе, что я здѣсь считаюсь общепризнаннымъ взрослымъ наполняло мою душу новымъ, незнакомымъ мнѣ ранѣе чувствомъ удовлетворенія. Казалось, и въ своихъ собственныхъ глазахъ я теперь достигъ совершеннолѣтія. Я словно вдругъ расцвѣлъ. Я сталъ менѣе замкнутъ въ своихъ мысляхъ.

Я въ первые же дни совершенно вошелъ въ общую колею эмигрантской жизни и перезнакомился со всѣми. Самъ радостно встрѣчая всѣхъ и каждого, я тоже былъ радостно встрѣчаемъ всѣми и каждымъ. Я, казалось мнѣ, дѣйствительно, становился тѣмъ не выдвигающимся напоказъ сознательнымъ звеномъ, о какомъ я мечталъ въ первый день приѣзда сюда.

VI.

Тягости редакторскаго званія.

Прошло недѣли три. Я уже давно зналъ хорошо всѣ главныя улицы Женевы и бѣгалъ по ней вездѣ, какъ по знакомому городу, безъ всякихъ разспросовъ у прохожихъ. Особенно понравился мнѣ здѣсь небольшой уединенный островокъ Руссо посреднѣ изумрудныхъ, прозрачныхъ водъ быстро катящейся Роны.

Къ нему вель узкій пѣшеходный мостикъ. Тамъ подь навѣсомъ высокихъ плакучихъ ивъ и пирамидальныхъ тополей скрывался въ тѣни памятникъ великому писателю XVIII вѣка. Руссо былъ изваянъ на немъ во весь ростъ и, какъ живой, сидѣлъ задумчиво на грудѣ своихъ книгъ. Кругомъ островка всегда плавали бѣлые лебеди, для которыхъ выстроено было помѣщеніе, а у подножія памятника находилась одинокая скамья, гдѣ по утрамъ, когда всѣ товарищи-эмигранты были заняты своими дѣлами, я сидѣлъ почти каждый день часа по три или четыре, читая книги изъ русской эмигрантской библіотеки. Здѣсь я прочелъ всего Герцена, все, что еще не читалъ изъ Бакунина, и почти всю наличную въ Женевѣ заграничную литературу.

Мы уже проредактировали первый номеръ журнала *Работникъ*, и онъ былъ набранъ въ нашей типографіи, причемъ я принялъ дѣятельное участіе въ наборѣ. Я очень желалъ поскорѣе обучиться этому важному для насъ дѣлу, на случай устройства тайной типографіи въ неприступныхъ ущельяхъ Кавказскихъ горъ, какъ я мечталъ со своими знакомыми, закавказскими студентами, въ Петербургѣ.

Моими товарищами по редакціи оказались Жуковскій, Эльснитцъ и Ралли, да Гольденбергъ, присутствовавшій всегда, какъ секретарь редакціи и главный типографъ, на равноправныхъ съ остальными основаніяхъ. Шебуны же только похвастались мнѣ при первомъ свиданіи, что и они приглашены редактировать *Работникъ*. У нихъ только приняли, еще до моего пріѣзда, статью о ихъ пропагандѣ въ народѣ и уже упомянутое стихотвореніе, производившее, по ихъ словамъ, ошеломляющее впечатлѣніе въ народѣ. Когда на первомъ же редакціонномъ собраніи я узналъ, что это стихотвореніе уже набрано раньше моего пріѣзда, я пришелъ въ настоящій ужасъ.

— Да неужели вы не видите, что помѣстить его значить сразу же погубить весь журналъ?—взмолился я.—Неужели вы не видите, что тутъ нѣтъ ни риѣмы, ни смысла?

— Мы всѣ прозаики,—отвѣтилъ Гольденбергъ,—стиховъ писать не умѣемъ и не понимаемъ тонкостей стихосложенія. Но дѣло въ томъ, что стихи эти уже провѣрены опытомъ. Шибуну ихъ читали крестьянамъ, и тѣ очень хвалили, и кромѣ того они страшно обидятся, если мы забракуемъ ихъ стихи.

— Но крестьяне васъ похвалятъ, что вы имъ ни показали бы, если знаютъ, что вы и есть авторъ,—протестовалъ я.—Такая похвала ровно ничего не значить. Да вѣдь, кромѣ крестьянъ, журналъ нашъ прочтутъ и товарищи, и что они скажутъ?

— Но кто же сообщитъ Шебунамъ, что ихъ стихи забракованы? Я не согласенъ!—сказалъ Гольденбергъ.

— Если хотите, то я самъ сдѣлаю это,—отвѣтилъ я.—Только, чтобъ ихъ не обидѣть, я пойду и поговорю съ ними мягко и наединѣ и уговорю ихъ взять назадъ.

— Ну это вамъ не удастся! Они опять нападутъ на васъ справа и слѣва,—сказалъ Жуковскій,—и не дадутъ выговорить ни слова.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Эльснитцъ.—Лучше оставимъ наборъ ихъ стиховъ лежать въ цѣлости и скажемъ, что въ первомъ номерѣ нехватило мѣста.

— Присоединяюсь къ этому мнѣнію, какъ къ самому разумному,—сказалъ Гольденбергъ.

Въ это время Ралли, котораго, какъ я замѣтилъ, всего передернуло, когда Гольденбергъ сказалъ, что никто изъ нихъ не понимаетъ тонкостей стихосложенія, взялъ корректуру этихъ стиховъ и, прочитавъ ее еще разъ, сказалъ:

— Я прежде изъявилъ на нихъ согласіе Шебунамъ только потому, что при устномъ чтеніи ихъ шероховатости сглаживались, а теперь прямо заявляю: въ печатномъ видѣ они прямо никуда не годны!

— Я думаю,—замѣтилъ я,—лучше прямо сказать Шебунамъ правду, потому что если мы будемъ говорить, что стихи ихъ хороши и только откладываются по недостатку мѣста, то они будутъ терять даромъ время, чтобъ писать и другіе въ томъ же родѣ.

— Но тогда они уже навѣрно не возвратятъ вамъ взятыхъ у васъ денегъ!—замѣтилъ, нервно улыбаясь, Ралли.

— Не возвратятъ и безъ того!—сказалъ Жуковскій.—Онъ давно уже зналъ объ этомъ займѣ у меня, такъ какъ Ткачевъ уже всѣмъ разсказалъ къ тому времени о моемъ приключеніи у Шебуновъ. Самъ же я не разсказывалъ объ этомъ никому.

— Все равно, возвратятъ или нѣтъ. Мнѣ только не хочется быть неискреннимъ съ людьми, относительно которыхъ я не знаю ничего дурного.

— Въ такомъ случаѣ скажите, что всѣ мы коллективно находимъ стихи неподходящими,—замѣтилъ Жуковскій,—исключительно потому, что нашъ журналъ будетъ читать и интеллигенція, а не одни крестьяне.

Я побѣждалъ къ Шебунамъ въ тотъ же вечеръ, такъ какъ еще въ гимназій теоретически пришелъ къ заключенію, котораго потомъ держался и всю жизнь, что если необходимо сдѣлать

что-нибудь тяжелое, трудное, неприятное, чего никакъ не можешь избѣжать, то надо дѣлать это какъ можно скорѣе, чтобъ потомъ было легче на душѣ. Притомъ же я зналъ уже, какъ плохо здѣсь держатся секреты, и боялся, что кто-нибудь сообщитъ имъ ранѣе меня самого, что я былъ противъ ихъ стиховъ, и тогда выйдетъ для меня много хуже.

Шебуны по обыкновенію зажужжали въ оба мои уха, и, по крайней мѣрѣ, цѣлый томительный часъ прошелъ для меня, прежде чѣмъ я могъ найти моментъ, чтобъ перейти къ дѣлу.

— Сейчасъ было редакціонное собраніе *Работника*, — началъ я.

— Редакціонное собраніе?!—воскликнула *она* съ изумленіемъ и негодованіемъ.

— Редакціонное собраніе?!—воскликнулъ *онъ*.—Почему же не пригласили насъ?

— Почему же не пригласили насъ?—повторила *она*.—Тутъ же и наша статья!...

— Тутъ же наши стихи!—окончилъ *онъ*.—Что же тутъ, буржуазные порядки, что ли, будутъ? Мы, когда давали свои статьи, думали, что всѣ сотрудники будутъ на одинаковыхъ правахъ!

— Что каждый будетъ редактировать свою собственную статью!—перебила *она* его.

— Но позвольте,—сказалъ, наконецъ, я,—вѣдь это же петербургское общество пропаганды дало средства на изданіе и распространеніе журнала и назначило его редакторовъ...

— Какое намъ дѣло до петербургскаго общества пропаганды?—перебила *она* меня.—Мы желаемъ знать, почему редактируютъ какіе-то Эльснитцы, Жуковскіе и Ралли, никогда не бывавшіе въ народѣ, а мы, опытные пропагандисты...

— А мы опытные пропагандисты,—перебилъ ее *онъ*,—выброшены за бортъ?

Такимъ образомъ раньше, чѣмъ я успѣлъ заговорить объ ихнемъ стихотвореніи, я уже попалъ въ баню.

Я не буду приводить всего, что они говорили. Читатель можетъ объ этомъ догадаться по приведенному мною началу, изъ котораго я сразу же почувствовалъ, что оба уже знали о томъ, изъ кого состоитъ редакція, и негодовали „на свинское къ себѣ отношеніе“, можетъ быть, уже нѣсколько дней. И все это негодованіе выливалось теперь на меня, единственнаго редактора, противъ котораго они не возражали, такъ какъ я былъ прямо изъ Россіи, что здѣсь очень цѣнилось, и притомъ прямо „изъ народа“.

Но если такъ произошло раньше, чѣмъ я заговорилъ о не-принятіи ихъ стихотворенія, то пусть же представить себѣ самъ читатель, что случилось, когда я произнесъ искренно-огорчен-нымъ голосомъ роковыя слова:

— Ваша статья очень понравилась и будетъ помѣщена въ первомъ же номерѣ, но стихи не понравились...

Въ началѣ этой фразы я противъ воли сказалъ неправду, такъ какъ и статья ихъ была посредственна и, повидимому, не очень правдива, судя по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ о народѣ, но я не былъ въ состояніи сказать иначе,—такъ горько и неловко было мнѣ передать имъ о судьбѣ ихъ стихотворенія. Но, несмотря на мой комплиментъ, они оба сразу вскочили со своихъ мѣстъ при моемъ послѣднемъ словѣ.

— Какъ! Стихи *испытанные, испытанные* уже въ народѣ!—кричалъ онъ...

— *Испытанные, испытанные* на опытѣ, въ народѣ!—кричала она...—здѣсь, въ Женевѣ, забраковываются людьми, ничего не смыслящими въ пропагандѣ!...

Оба, отскочивъ отъ меня, даже онѣмѣли отъ изумленія и негодованія, и въ первый разъ стояли передо мною молча, какъ два изванія укора.

— Но зачѣмъ вамъ ихъ печатать непременно въ *Работники*?—возражаю имъ ласково я.—Оттисните ихъ отдѣльнымъ изданіемъ...

— И оттиснемъ, и оттиснемъ!—съ паѳосомъ закричала она.

— И напечатаемъ,—съ паѳосомъ закричалъ онъ.—И очень сожалѣемъ, что связались съ такимъ изданіемъ, ни на что негоднымъ, кромѣ какъ...! Никогда больше не дадимъ въ него никакой...

— Не дадимъ никакой статьи,—закончила она, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на не совсѣмъ вѣжливое употребленіе, которое онъ предложилъ для нашего изданія.—Я знаю, чьи это интриги! Это все іезуитъ Ралли да тихоня Эльснитцъ!

— Но нѣтъ же, нѣтъ же!—восклицалъ я, чувствуя, что необходимо объяснить дѣло начистоту.—Это я первый замѣтилъ въ немъ недостатокъ отдѣлки; помните, я вамъ первымъ указывалъ, что нѣкоторыя рѣшмы неправильны, что нужна дополнительная отдѣлка...

— Какая тутъ еще новая отдѣлка, когда мы вдвоемъ обрабатывали въ немъ каждую фразу! Вы тогда говорили глупости.

Я вышелъ отъ нихъ черезъ четыре часа, весь красный, какъ изъ бани. Я говорилъ на каждую ихъ тысячу словъ одну или

двѣ фразы, которыхъ притомъ же не успѣвалъ докончить, и, наконецъ, уже не возражалъ совсѣмъ, чтобы дать имъ возможность высказаться.

Внѣшняя словесная побѣда надо мной, повидимому, нѣсколько облегчила ихъ наболѣвшія души, и мы дѣйствительно напечатали имъ на свой счетъ ихъ стихи отдѣльнымъ изданіемъ, а они ихъ куда-то послали, но все же не могли никогда простить намъ такого „чернаго дѣла“. Здѣсь я въ первый разъ почувствовалъ всѣ терніи редакторскаго званія.

„Сколько обидъ, сколько огорченій,—думалъ я, идя домой по пустымъ женевскимъ улицамъ въ три часа ночи,—приходится редакторамъ причинять пишущимъ стихи, сколько разговоровъ даже съ прозаиками объ элементарныхъ правилахъ грамматики! Вотъ я пробылъ у нихъ цѣлыхъ шесть часовъ, и все же ничего не вышло, кромѣ горькой обиды на меня!“

Такъ началось изданіе журнала *Работникъ*.

Чтобы не перебивать моего повѣствованія, я расскажу сейчасъ же и о его дальнѣйшей судьбѣ, такъ какъ исторія его мнѣ кажется очень поучительной во многихъ отношеніяхъ.

Прежде всего обнаружилась полная наша оторванность отъ Россіи и отсутствіе изъ нея какихъ-либо корреспонденцій о мѣстной жизни и дѣятельности, а между тѣмъ для журнала это было крайне необходимо. Приходилось писать корреспонденціи большею частью по воспоминаніямъ или рассказамъ пріѣзжихъ здѣсь же на мѣстѣ. Для перваго номера матеріалъ далъ рассказъ Шебуновъ о ихъ недавней дѣятельности въ народѣ, гдѣ они говорили о себѣ въ третьемъ лицѣ, такъ что выходило, какъ будто о нихъ пишетъ кто-нибудь другой, а не они сами. Съ перваго поверхностнаго взгляда мнѣ это показалось какъ-то неестественнымъ, неискреннимъ. Однако вслѣдъ затѣмъ, когда и мнѣ самому пришлось писать о пропагандѣ въ деревнѣ Потаповѣ, гдѣ надо было говорить о Писаревѣ, о Клеменцѣ и о самомъ себѣ, когда я бѣжалъ изъ своей кузницы въ уединенныя мѣстныя тущобы, я увидѣлъ, что при анонимности статей, которая была принята какъ правило во всѣхъ тогдашнихъ сочиненіяхъ, писать о себѣ иначе, чѣмъ въ третьемъ лицѣ, какъ у Шебуновъ, было совершенно невозможно.

Такимъ образомъ, сама система всеобщей анонимности, принятая тогда во имя коллективизма съ цѣлью не выдвигать впередъ отдѣльныхъ личностей, приводила въ нашей революціонной литературѣ къ замаскированной неестественности, потому что въ нашемъ движеніи дѣйствовала не толпа, а отдѣльныя лица, каждое

на свой собственный страх и по своимъ собственнымъ указаніямъ.

Въ результатъ анонимности появлялись въ тогдашнихъ журналахъ и неизбѣжныя протворѣчія въ отдѣльныхъ мѣстахъ и номерахъ, такъ какъ разные авторы, конечно, приходили въ деталяхъ своихъ мнѣній къ различнымъ выводамъ. При подписяхъ это было бы ясно: такой-то пришелъ къ этому выводу, а другой къ другому. Но представьте, что подписей нѣтъ, что весь журналъ представляетъ собою какъ бы одну книгу, какъ бы написанъ цѣликомъ однимъ лицомъ? Разнорѣчія становятся тогда въ высшей степени неприятными для читателя.

Редакціи приходится отшлифовывать всѣ статьи по своей собственной мѣркѣ, исключать изъ нихъ все оригинальное, яркое, самобытное.

Такимъ образомъ, крайнее увлеченіе коллективизмомъ приводило въ заграничной литературѣ къ идейной диктатурѣ редакціи надъ сотрудниками. Посягнуть на этотъ принципъ осмѣлились лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемаго мною времени. И вотъ, благодаря такому принципу, и мнѣ самому, какъ я уже сказалъ, пришлось писать о себѣ не такъ, какъ побуждалъ меня мой внутренній инстинктъ правдивости и естественности, не такъ, какъ мнѣ самому хотѣлось бы выражаться, а по навязанной мнѣ извнѣ шаблонной формѣ. вмѣсто простодушнаго „я пошелъ“, „я увидѣлъ“, мнѣ пришлось въ своихъ статьяхъ выражаться манерно: „кузнецъ Морозовъ пошелъ“, „кузнецъ Морозовъ увидѣлъ“, причемъ слово „кузнецъ“ я прибавлялъ, какъ свою главную профессію въ народѣ, что было одобрено и всѣми моими соредакторами.

— Пора уже каждому изъ насъ, народниковъ,—сказалъ Жуковскій, когда я прочелъ въ собраніи свое изложеніе,—причислить себя къ какому-нибудь ремеслу и опредѣлять себя прежде всего по нему, а не то, что называть себя какими-то писателями, профессорами, инженерами, докторами и тому подобными буржуазными званіями.

— Но вѣдь такія профессіи останутся и въ будущемъ социалистическомъ и въ анархическомъ строѣ,—возразилъ я.—Вѣдь тамъ тоже будутъ учителя, профессора, инженеры!

— Нѣтъ! Никогда!—воскликнулъ Жуковскій со своимъ обычнымъ драматическимъ воодушевленіемъ.—Тогда всѣ должны заниматься прежде всего какимъ-нибудь физическимъ трудомъ, а только потомъ, когда онъ окончитъ, можно будетъ посвящать избытокъ времени умственной работѣ. У всѣхъ должны быть руки

въ мозоляхъ! Когда начнется социальная революція, и я пойду въ толпѣ возставшаго народа по городскимъ улицамъ, я прежде всего потребую, чтобъ останавливали каждого и заставляли его показывать свои ладони.—Въ мозоляхъ ладони?—Иди съ миромъ своей дорогой!—Безъ мозолей?—Аи тѣ! (т.-е. къ стѣнѣ на разстрѣль).

И онъ театрално показалъ руками на нашу стѣну, воображая ее уличной.

Лукавая мысль промелькнула у меня въ головѣ.

— Покажи-ка, Жукъ, твою руку!—сказалъ я ему съ такимъ видомъ, какъ будто замѣтилъ на ней что-то особенное. (Мы въ это время уже были на „ты“.)

— Что такое?—спросилъ онъ съ недоумѣніемъ, разматривая ее самъ и въ то же время протягивая мнѣ.

Я посмотрѣлъ на ея ладонь и тѣмъ же, какъ онъ, патетическимъ тономъ и такъ же протянувъ въ пространство свою лѣвую руку воскликнулъ:

— Нѣтъ мозолей! Аи тѣ! (къ стѣнѣ!)

Всѣ расхохотались. Жуковский въ первое мгновеніе совершенно растерялся, но черезъ нѣсколько минутъ оправился и воскликнулъ также патетически и качая грустно своей головой:

— Да! къ стѣнѣ! Меня перваго! Къ стѣнѣ стараго Жука, у котораго тоже нѣтъ мозолей на рукахъ!

Но, несмотря на такой выходъ изъ труднаго положенія, онъ весь этотъ вечеръ оставался опечаленнымъ и смущеннымъ; фраза о мозоляхъ на рукахъ была давно однимъ изъ его самыхъ эффектныхъ козырей въ разговорѣ и теперь приходилось съ нею разстаться. Онъ чувствовалъ, что какъ только онъ ее скажетъ въ будущемъ, всѣ теперь будутъ требовать у него того же, что и я, и драматическое обратится въ комическое.

Однако онъ нисколько не разсердился на меня. Какъ всѣ люди, слишкомъ грозные въ теоріи, онъ былъ очень добродушенъ на дѣлѣ и, конечно, въ случаѣ возстанія никого бы не растрѣлялъ.

VII.

Радости и тревоги первой печатной статьи.

Еще прежде чѣмъ вышелъ первый номеръ *Работника*, я тайнѣ отъ всѣхъ живущихъ на земномъ шарѣ написалъ большую статью подъ названіемъ „Даниловское дѣло“ и послалъ ее въ главный изъ тогдашнихъ заграничныхъ социалистическихъ

журналовъ *Впередъ*, издававшійся въ Лондонѣ дважды въ мѣсяцъ подъ редакціей Лаврова.

Не сказалъ я объ этомъ никому, такъ какъ никогда ничего еще не печаталъ и очень боялся, что моя статья будетъ забракована, какъ ни на что негодная. Причина такой боязни у меня была совершенно понятна. Когда я читалъ какую-нибудь чужую статью, я узнавалъ изъ нея всегда что-нибудь новое для себя, и потому она казалась мнѣ важной и интересной. Когда я читалъ свою только что написанную статью, въ ней никогда не заключалось для меня рѣшительно ничего неизвѣстнаго, и потому субъективно она казалась мнѣ никому ненужной, т.-е. хуже всякой самой плохой чужой. Профессиональные писатели казались мнѣ такими глубокомысленными, что мои собственные литературныя попытки, думалъ я, должны показаться имъ прямо дѣтскими. Редакторамъ стыдно будетъ помѣстить ихъ въ свой журналъ...

„Но вѣдь здѣсь,—думалось мнѣ, съ другой стороны,—въ изложеніи пропаганды въ Даниловскомъ уѣздѣ я описываю не одни свои собственные приключенія и мысли, а также и дѣятельность другихъ, которая дѣйствительно очень важна и интересна. Поэтому Лавровъ, хоть и очень ученый человекъ, не можетъ слишкомъ удивиться тому, что я ему посылаю такую мало интересную статью. А кромѣ того, вдругъ и мои собственные мысли покажутся ему заслуживающими тисненія?

И вотъ, съ замираніемъ сердца, раннимъ утромъ, чтобъ никто не видѣлъ и не спросилъ, я отнесъ свою рукопись на почту, вложивъ въ нее коротенькое письмо къ Лаврову. „О себѣ я пишу здѣсь отъ своего лица,—извѣщалъ я его,—но если при анонимности всѣхъ статей это неудобно, то прошу замѣнить вездѣ слово „я“ моей фамиліей“.

Если они оставятъ мою статью ненапечатанной и незаслуживающей даже отвѣта, думалъ я, то я никому не скажу объ этомъ. Это останется моей тайной на всю жизнь. Но во мнѣ все же таилась надежда.

Новый номеръ *Впередъ* дошелъ до Женевы черезъ четыре дня послѣ моей посылки, и въ немъ, конечно, не могли ее помѣстить. Мнѣ предстояли еще двѣ томительныя недѣли до получения слѣдующаго номера.

Въ это время я попрежнему бѣгалъ по женеvскимъ эмигрантамъ, разговаривалъ съ ними обо всемъ, набралъ въ типографіи для *Работника* свою собственную статью и съ великимъ наслажденіемъ прочелъ ее въ корректурѣ. Въ печатномъ видѣ она по-

казалась мнѣ куда лучше,—совсѣмъ настоящей статьей, какъ и всѣ другія, а не то, что въ рукописи, когда она была какъ простое письмо, которое умѣеть написать всякій. Но нашъ *Работникъ* казался мнѣ не то, что *Впередъ*, о которомъ знаетъ вся интеллигентная Россія. Статья тамъ совсѣмъ другое дѣло, и потому понятно было и мое внутреннее волненіе. Помѣстятъ или не помѣстятъ? Буду я настоящимъ писателемъ или не буду? Чѣмъ болѣе приближался ожидаемый день, тѣмъ томительнѣе становились минуты, когда я вспоминалъ о своей посылкѣ.

Но я все же ни разу не пожалѣлъ о сдѣланномъ: по крайней мѣрѣ, я узнаю свою судьбу.

И вдругъ, о горе! На четырнадцатый день *Впередъ* совсѣмъ не пришелъ въ нашу эмигрантскую библіотеку! Неужели онъ прекратился? Но это мало вѣроятно. У „лавристовъ“, говорятъ, достаточно денегъ!

Такъ въ разочарованіи провелъ я весь этотъ день до вечера. Въ семь часовъ по обыкновенію иду въ „Кафе Грессо“, зная, что тамъ въ задней комнатѣ встрѣчу почти всю эмиграцію.

— Читали, читали твою статью во *Впередъ*!—воскликнулъ Жуковскій, едва я показался.

— Развѣ помѣщена?—спрашиваю я съ такъ искусно сдѣланнымъ равнодушіемъ, что никто даже и заподозрѣть не могъ бы, что вся моя душа такъ и прыгнула отъ радости.

— Ну, конечно!—отвѣчалъ Жуковскій.—Они рады! Только что же ты измѣняешь своимъ? Ты написалъ для нихъ, чужихъ, много больше и лучше, чѣмъ для насъ, своихъ! Почему ты раньше не показалъ своей статьи намъ? Мы бы ее ни въ какомъ случаѣ не уступили для *Впередъ*!

Я сразу вспомнилъ, какъ при окончаніи этой моей статьи мнѣ именно пришло въ голову дать ее имъ для поправокъ, какъ моимъ болѣе опытнымъ друзьямъ, но какой-то внутренній инстинктъ подсказалъ мнѣ: ни за что не дѣлай этого! они хорошо поправятъ тебѣ все, но только запретятъ тебѣ сотрудничать во *Впередъ* подъ страхомъ ссоры съ ними, потому что они сами туда не пишутъ, считая его чужимъ органомъ! А когда ты все сдѣлаешь, они поймутъ, что упреки уже ничему не помогутъ, и потому не будутъ угрожать ссорой. Какъ инстинктъ не обманулъ меня!

— Только напрасно,—сказалъ Ралли, какъ бы подчеркивая справедливость моихъ мыслей,—ты путаешься съ лавристами, это не настоящіе социалисты, они признаютъ государство.

— Да,—отвѣтилъ я,—но они признаютъ республиканскую социалистическую демократію.

— Республика для насъ хуже монархіи, — желчно отвѣтили Ралли. — Вотъ здѣсь, въ Швейцаріи — республика, а въ ней для социалистовъ хуже, чѣмъ въ Россіи. Буржуазія здѣсь такъ втерла очки въ глаза народу своей призрачной „гражданской свободой“ и такъ одурачила его всеобщимъ избирательнымъ правомъ, что швейцарскіе крестьяне и рабочіе менѣе, чѣмъ кто бы то ни было въ остальномъ мірѣ, сочувствуютъ идеаламъ социализма! Избави Богъ Россію отъ парламента или республики! Нѣтъ, пусть лучше остается абсолютная монархія!

Мнѣ вдругъ захотѣлось почесать свою спину, на которой еще, казалось, сидѣла всей своей тяжестью эта абсолютная монархія, но я уже зналъ, что спорить объ этомъ съ моими здѣшними друзьями можно было лишь съ цѣлью дать упражненіе своимъ голосовымъ органамъ, такъ какъ они все равно остались бы при своемъ мнѣніи.

А теперь мнѣ менѣе, чѣмъ когда бы то ни было, хотѣлось спорить. Меня охватило страстное желаніе прочесть свою статью во *Впередъ*, и я весь былъ, кромѣ того, полонъ радости оттого, что ожидаемая баня за ея помѣщеніе въ „чужомъ органѣ“ оказалась не такъ горяча, какъ я боялся. Номеръ *Впередъ* лежалъ тутъ же на столѣ, очевидно лишь сейчасъ прочитанный.

Какъ-то напечатана въ немъ моя статья? Можетъ быть, въ самомъ концѣ, мелкимъ шрифтомъ? Можетъ быть, только цитирована въ извлеченіи въ хроникѣ?

Для человѣка, печатающагося впервые, все кажется такимъ важнымъ, такимъ существеннымъ, вплоть до того, красивыми ли крупными буквами напечатано заглавіе или простыми, тонкими.

Я развернулъ номеръ и — о восторгъ! Она была напечатана вслѣдъ за руководящими статьями редакціи въ самой срединѣ журнала, и заголовокъ *Даниловское дѣло* ясно вырисовывался вверху страницы. Я сразу увидѣлъ, что она была помѣщена анонимно, какъ и всѣ остальные статьи, что слово „я“ замѣнено въ ней моей фамиліей и все, что я говорилъ о себѣ лично, поставлено въ третьемъ лицѣ.

Я выдержалъ характеръ и, бѣгло взглянувъ на номеръ, сейчасъ же присоединился къ общему разговору, какъ будто считая его несравненно важнѣе и интереснѣе, чѣмъ моя статья. Но думаю, что глаза мои все же блестяли отъ удовольствія и я весь сгоралъ отъ нетерпѣнія скорѣе остаться одному.

Отъ послѣдовавшихъ затѣмъ дополнительныхъ упрековъ своихъ друзей я защитился тѣмъ, что, молъ, не придавалъ этой статьѣ большого значенія, что помѣстилъ ее во *Впередъ* только потому,

что нѣтъ другого революціоннаго журнала для интеллигенціи, а мнѣ хотѣлось ознакомить товарищей въ Россіи со всѣми обстоятельствами арестовъ и обысковъ въ Даниловскомъ уѣздѣ, такъ какъ *Впередъ* въ Россіи всѣ читаютъ.

Нѣсколько успокоивъ своимъ притворнымъ равнодушіемъ ревность своихъ товарищей (потому что я ничѣмъ другимъ не могъ объяснить эмигрантскую нетерпимость и фракціонность, какъ этимъ чувствомъ), я посидѣлъ съ ними еще томительныхъ полчаса, переведа разговоръ на принципиальные предметы. Воспользовавшись затѣмъ моментомъ ихъ горячаго спора, когда никто не обращалъ на меня болѣе вниманія, я побѣжалъ къ себѣ въ отель дю Норъ, захвативъ потихоньку и лежавшій номеръ, чтобъ прочитать въ немъ наединѣ мою статью и вдоволь налюбоваться ея печатнымъ видомъ.

Но и въ отелѣ ожидала меня помѣха.

Едва я влетѣлъ на его первую лѣстницу, какъ меня абординировалъ мой первый знакомый въ Женевѣ, студентъ Рождественскій, тотъ самый, который такъ оригинально обучалъ здѣшняго французика-гарсона русскому языку. Мальчикъ былъ воспримчивъ и сдѣлалъ къ этому времени такіе успѣхи, что его совсѣмъ невозможно стало слушать. Рождественскій подхватилъ меня передъ самыми дверями залы табльдота, въ которой былъ уже сервированъ вечерній столъ.

— Идемте, идемте скорѣе! Сюда пріѣхала на недѣлю жена какого-то петербургскаго генерала съ двумя очень милыми барышнями-дочками.

Въ отель дю Норъ, какъ и во всякомъ среднемъ, не особенно дорогомъ отелѣ, гдѣ нѣтъ чванства, было обыкновеніе тотчасъ же знакомиться всѣмъ со всѣми въ табльдотѣ, за общимъ завтракомъ и обѣдомъ, и говорить обо всемъ, какъ будто бы были давно знакомы. Здѣсь при разговорахъ сосѣдей, часто соотечественниковъ другъ друга, слышались всѣ европейскіе языки, хотя при болѣе или менѣе общихъ разговорахъ сейчасъ же переходили на французскій всѣ, кто его зналъ.

Дамы, отпивъ полстакана своихъ пишолетокъ (полубутылокъ) обычнаго бѣлаго или краснаго вина, подставляли ихъ тому изъ мужчинъ, кто имъ въ данный день особенно нравился, а нѣкоторыя дамы всегда оказывали постоянное предпочтеніе тому или другому. Такъ, у Рождественскаго были двѣ пріятельницы, у меня же четыре, и благодаря этому приборъ мой къ концу обѣда оказывался обставленнымъ по крайней мѣрѣ пятью бутылками, словно я былъ завзятый пьяница. Гарсоны и мадмуазель держались съ

пріѣзжими почтительно, но безъ подобострастія, и если кто-нибудь имъ нравился, то во время обѣда становились у него за стуломъ и въ отсутствіе общаго разговора, въ который никогда не вмѣшивались, сообщали ему ту или другую новость.

Все это было очень мило, но въ данномъ случаѣ отъ такой фамиллярности вдругъ появилось большое неудобство для Рождественскаго. Едва лишь генеральша со своими дочками-институтками, раскланявшись съ публикой, сѣла на свое мѣсто, какъ горсонъ, желая похвастаться передъ русскими барышнями своимъ знаніемъ русскаго языка, сталъ за стуломъ Рождественскаго и отчетливо среди наступившаго молчанія сказать ему съ самымъ почтительнымъ видомъ:

— Поносъ!

Барышни и ихъ мамаша словно по командѣ разомъ вскинули на него глаза, но сейчасъ же, вспыхнувъ, опустили ихъ въ свои тарелки.

Рождественскій мгновенно покраснѣлъ, какъ ракъ, до самыхъ ушей, и, не зная, что сдѣлать, чтобы перевести разговоръ на другой предметъ, попросилъ гарсона рассказать объ уличномъ столкновеніи между старо-католиками и ново-католиками, свидѣтелемъ котораго онъ былъ. Гарсонъ обрадовался приглашенію вступить въ общій разговоръ и сейчасъ же началъ рассказывать, какъ только что появившіеся въ Женевѣ ново-католики хотѣли крестить младенца по своему новому обряду, а мѣстный патеръ распространилъ между своими старо-католиками слухъ, что во время крещенія выскочитъ изъ-подъ земли сатана и унесетъ младенца съ грохотомъ въ преисподнюю. Жадные до такихъ зрѣлищъ старо-католики сбѣжались толпами въ церковь и на площадь кругомъ нея, чтобы посмотрѣть на сатану, но сатана не явился, и старо-католики разсердились на младенца и его родныхъ за напрасно причиненное имъ ожиданіе, начали швырять въ ихъ уѣзжающую карету камнями и побили въ ней стекла, вслѣдствіе чего произошла общая свалка, въ которой гарсона побила и та и другая сторона за то, что онъ не зналъ, къ которой ему надо присоединиться. Все это было очень интересно и комически рассказано, но пересыпано въ промежуткахъ между французскими фразами всѣми его русскими словами, съ которыми онъ, въ видѣ „общепринятыхъ въ Россіи формъ русской вѣжливости“, обращался то къ барышнямъ, то ко мнѣ, но чаще всего къ самому Рождественскому и закончилъ все восклицаніемъ: „О клистирная трубка!“ Для сидѣвшихъ здѣсь иностранцевъ весь его русскій репертуаръ, конечно, пропалъ даромъ, но для насъ вставки выходили по вре-

менамъ такъ неожиданно эффектны, что мы готовы были лопнуть отъ смѣха, и даже барышни съ мамашей, уже на половинѣ разсказа догадавшіяся, въ чемъ дѣло, искусали себѣ до крови губы и ерзали на своихъ стульяхъ, какъ будто въ нихъ торчали гвозди. Такъ мы и разошлись въ этотъ вечеръ съ большой сенсацией. Рождественскій, совсѣмъ сконфуженный, не зналъ, что дѣлать, и обратился ко мнѣ за совѣтомъ.

— Да расскажите же скорѣе сами гарсону, что вы надъ нимъ подшутили, говорю я ему.

— Какъ же я расскажу? Мальчикъ совсѣмъ обидится на меня.

— Но еще больше обидится, если его предупредить эта дама.

Давно, въ нетерпѣннн прочесть поскорѣе свою первую печатную статью, для которой, какъ будто сговорясь, окружающіе не давали мнѣ въ этотъ вечеръ ни минуты времени, я хотѣлъ бросить Рождественскаго и итти къ себѣ въ номеръ, но онъ отъ меня не отставалъ, чувствуя, что попалъ совсѣмъ въ безвыходное положеніе, и вошелъ вслѣдъ за мной. Онъ былъ такъ жалокъ, что пришлось придумывать съ нимъ способы наилучшаго выхода, хотя мои ноги все время конвульсивно переставаливались подъ столомъ съ мѣста на мѣсто отъ нервнаго нетерпѣннн. Но узелъ тотчасъ развязался самъ собой. Въ мою комнату вошелъ, постукавшись, самъ гарсонъ, чтобы приготовить на ночь мою постель, но тоже весь сконфуженный и чуть не плачущій. Увидѣвъ у меня Рождественскаго, онъ отвернулъ отъ него голову и сталъ молча убирать кровать.

— Что вамъ сказали?—спрашиваю я его, сразу догадавшись.

— Г. Рождественскій все время насмѣхался надо мной.

Рождественскій началъ оправдываться, но обиженный гарсонъ не отвѣчалъ, отвернувъ одѣяло у моей постели, сейчасъ же пошелъ вонъ. Рождественскій поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ, и я, наконецъ, остался одинъ, свободный прочесть свое произведеніе въ печати.

Каждая моя фраза, казалось мнѣ, приняла теперь какой-то новый, болѣе глубокой смыслъ. Словно это писалъ и не я, а кто-то другой, несравненно болѣе умный. Но вотъ пропущена вся моя бытовая характеристика народа въ этой мѣстности. Все мое очарованіе сразу пропало. Мнѣ показалось, что между предыдущимъ и послѣдующимъ потерялась необходимая связь, и всякій долженъ это замѣтить. Статья моя испорчена, искалѣчена. Тутъ пропущено почти столько же, сколько напечатано. Статья сократилась вдвое. Я началъ читать ее снова, желая стать на точку зрѣннн посторонняго читателя, который совсѣмъ не знаетъ, что

здѣсь у меня пропущенъ начальный столбецъ. Но нѣтъ! я не могъ войти въ положеніе читателя, ничего не знающаго о данномъ мѣстѣ. Недостатокъ связи мнѣ казался очевиднымъ. На слѣдующій же день, чтобы провѣрить свое впечатлѣніе, я обратился къ тому же Жуковскому, какъ, несомнѣнно, обладающему литературнымъ вкусомъ.

— Скажи, Жукъ, тебѣ не казалось при чтеніи, что въ срединѣ моей статьи чего-то недостаетъ?

— Нѣтъ!—отвѣчала онъ.—А что? Выбросили что-нибудь? Это они всегда! Гдѣ выпустили и что?

— Опредѣли!—сказалъ я ему.

Онъ взялъ изъ моихъ рукъ номеръ, пробѣжалъ глазами статью разъ, потомъ еще и, наконецъ, сказалъ:

— Не знаю, мнѣ кажется все сказано.

— Ну, а не лучше ли вышла бы статья, если-бъ вотъ тутъ дана была характеристика этой мѣстности и ея народа? И я разсказалъ ему содержаніе выпущеннаго.

— Да, пожалуй,—отвѣтилъ онъ равнодушнымъ тономъ.—Не помѣшало бы, но это, дѣйствительно, несущественно.

И я совершенно утѣшился, и когда въ тотъ день въ пятый или седьмой разъ перечитывалъ свою статью, мнѣ и самому стало казаться, что она вообще ничего особенно не потеряла и только стала короче...

Николай Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)